

Завершились празднования Дня Славянской Письменности и культуры (память свв. Равноап. Кирилла и Мефодия). Естественно, что в эти дни много говорилось о том наследии святых братьев, которое столь дорого столь многим чадам Русской Православной Церкви – церковно-славянском языке. Я предлагаю сейчас оставить за скобками вопросы сугубо научного характера: какая азбука была первой, кириллица или глаголица, и кто именно непосредственный автор той и другой, и обратиться к более насущным проблемам: вопросу о том, должен ли церковно-славянский язык и впредь оставаться богослужебным языком Русской Православной Церкви?

Дискуссия по этой теме ведется уже не первый год, то затухая, то вспыхивая с новой силой. Причем диапазон высказываемых мнений здесь очень широк: от требований о немедленном начале работы по полному переводу богослужения на русский язык (радикальная русификация), до решительных высказываний о сакральном характере церковно-славянского языка, в противовес профанному – русскому. Одни жалуются на непонятность богослужебных текстов на церковно-славянском, другие утверждают, что сакральные тексты в силу своего статуса и должны быть «неудобопостигаемыми», дабы понудить человека к труду для своего понимания, третьи утверждают, что на самом деле церковно-славянский язык вполне понятен современным людям.

Есть ли проблема?

Относительно последнего взгляда: уже не первый год автор этих строк время от времени пристаёт к студентам младших курсов Богословского факультета ПСТГУ с просьбой перевести с церковно-славянского на русский фразу из молитвы, которую все православные христиане знают наизусть – «Достойно есть, яко воистину, блажити Тя, Богородицу». Правильного ответа до сих пор услышать так и не пришлось. Вернее один студент, который уже начал учить древнегреческий язык, но еще не приступал к изучению языка церковно-славянского, не справившись с «прямым» переводом, в итоге обратился к греческому тексту и выдал верный ответ: достойно будет ублажать Тебя как истинную Богородицу. У прочих студентов, которые еще не были знакомы с грамматикой церковно-славянского, непреодолимые сложности возникали с тем, определением к какому слову является оборот «яко воистину».

Этот пример, конечно, частность: на восприятие целостного текста она не сильно влияет. Однако, на мой взгляд, эта частность вполне позволяет говорить о том, что проблема есть и она реальна. Если даже студент-богослов не вполне понимает тот текст, с которым знаком с раннего детства, то чего уж ждать от прихожан, не отягченных богословским образованием?

Правда здесь можно развернуть широкую дискуссию относительно того, что понимание есть некий таинственный и невербальный процесс, и что богослужение нельзя сводить к дидактическому его аспекту. Но хотя с последним утверждением и нельзя не согласиться, однако вовсе лишать богослужение его дидактической функции будет тоже неправильно, не говоря уже о том, что молитва к Богу, даже простой филологический (намеренно умолчу о глубинном сакральном) смысл которой не вполне ясен самому молящемуся выглядит довольно странно.

Pro

У сторонников сохранения церковно-славянского языка в качестве языка богослужения есть как минимум один весьма веский аргумент: богатство смыслов греческого оригинала церковно-славянский язык способен передать гораздо лучше, чем язык русский. Несколько упрощая, можно сказать, что церковно-славянский – это славянская калька с греческой грамматики, которая именно в силу своей изначальной вторичности лучше приспособлена для передачи содержания исходного текста.

Этот аргумент можно назвать филологическим. Он, пожалуй, основной, но отнюдь не единственный.

Второй аргумент – скорее политический. Сегодняшняя каноническая территория Русской Православной Церкви простирается не только на Россию, но и на ряд иных государств, в т. ч. и тех, которые обрели

независимость сравнительно недавно – после распада Советского Союза. Соответственно в своем нынешнем положении некоторые из этих государств ищут основания для своей национальной идентичности в систематическом отрицании своего советского прошлого, и в частности всего русского, в том числе и языка. Переход на русский язык богослужения в России будет означать в этих условиях неизбежность перехода на иные национальные языки в богослужении в иных государствах. А это будет в свою очередь означать, что еще одна нить, связывающая то пространство Святой Руси, о котором много говорит Святейший Патриарх Кирилл, будет разорвана. Готовы ли сторонники радикальной русификации богослужения к таким последствиям?

Еще один важный фактор, который нельзя не учитывать – мнение самих прихожан. Бывает довольно странным слышать, как одни и те же люди вздыхая о том времени, когда клирики выбирались народом, при этом не желают слушать этот самый церковный народ, лишь только речь заходит о богослужебном языке. Церковно-славянский язык любим теми, кто уже в Церкви, и пренебрегать их привычками ради тех, кто может быть соизволил в неё зайти (не придти, а именно зайти: т. к. вопрос о богослужебном языке в устах очень многих людей не причина, а лишь удобный повод для оправдания собственной нецерковности) – наверное не очень честно.

Ну и наконец, стоит помнить о том, что самый болезненный раскол в нашей Церкви произошел именно из-за вопросов богослужебного обряда: старообрядцы ушли из Церкви по поводу куда менее значительному, чем полная смена языка богослужения. Масштаб же возможного раскола в случае радикальной русификации богослужения трудно себе представить.

Contra

Хотя приведенные выше аргументы в пользу сохранения церковно-славянского языка и можно признать во многом справедливыми, у сторонников перевода богослужения на русский язык есть свои возражения.

Богатство смыслов церковно-славянского текста, например, хотя и имеет место, однако вряд ли воспринимается большинством прихожан. И здесь со всей силой встает вопрос: ради кого хранится это богатство? Ради довольно узкого круга профессионалов-славистов? Или все же в богослужении должны осознанно участвовать все прихожане?

И не есть ли стремление сохранить языковое единство богослужения на всей канонической территории Русской Православной Церкви не столько требование христианской совести, сколько следствие имперский амбиций? Что важнее, языковое единство Святой Руси, или осознанное молитвенное единение в реальных общинах реальных приходов у тех народов, которые составляют эту самую Святую Русь?

Что же касается вопроса о предпочтениях самих прихожан, то здесь опять же важны мотивы этих симпатий. Не становится ли архаичный богослужебный язык с одной стороны просто удобным фоном для личной медитации, вместо реальной молитвы, а с другой – изящным способом абстрагировать то, что происходит в храме от того, что происходит в жизни человека за храмовым порогом? Не случается ли так, что человек в храме с готовностью именуя себя «стяжателем» и «разбойником» при этом почти не связывает в своем сознании эти красивые слова с тем образом жизни взяточника и бандита-убийцы, который он ведет вне храма?

Опасность же раскола из-за вопроса о богослужебном языке хотя и реальна, но лишь показывает то, как мало еще со времен патриарха Никона преуспела Церковь в деле реального воцерковления людей, и как сильно еще в нашем народе обрядовое отношение к христианству. Это повод скорее не для гордости своим консерватизмом, а о сожалении: как мало еще сделано и как много еще предстоит сделать. К тому же позиция прихожан, не желающих мириться с возможностью перевода богослужения на русский язык ради облегчения пути в храм тех, кто пока еще за церковным порогом, немного сродни позиции старшего брата из притчи о блудном сыне: «как же так, если я выучил церковно-славянские молитвы, то почему они не

должны!?)» Возвращаясь к недавнему празднику: кого можно с большим основанием назвать продолжателем дела свв. Кирилла и Мефодия? Тех, кто сохраняет и охраняет неприкосновенность изобретенного свв. братьями язака, ставшего малопонятным современному человеку, в качестве исключительного языка богослужения или, например, св. равноап. Николая Японского, который открыл богатство православия новому народу, переведя это богатство на родной для этого народа язык?

Частичная русификация?

Наряду с крайними позициями, которые были обозначены выше, раздаются так же голоса в пользу частичной русификации богослужения. Здесь речь идет уже не о переводе, а скорее о том, чтобы изменить некоторые «слишком славянские», а по сути слишком греческие слова и обороты в богослужебных текстах на более простые и понятные. Классический пример такого рода оборотов – славянский перевод тех целей, которые ставит перед собой дьявол, похищая семя из человеческих сердец (в притче о сеятеле): «да не веровавшие спасутся» (Лк. 8.12). В синодальном переводе здесь, в соответствии с правилами русского языка, сказано «чтобы они не уверовали и не спаслись» - греческая норма, в соответствии с которой отрицание относится сразу к двум последующим глаголам на славянской почве не прижилась. Честно говоря, сторонниками полной русификации богослужения мера непонятности церковно-славянского языка подчас сильно преувеличивается. Полагаю, что нельзя не согласиться с тем, что язык богослужения не должен быть языком разговорным, хотя бы на уровне стиля. Ведь даже за рамками собственно религиозной жизни человек, как правило, прекрасно знает, что, например, на приеме у британской королевы «высокий штиль» не только уместен, но и необходим. И эта необходимость обычно вызывает не бурный протест, а скорее некоторую ностальгию по тем временам, когда свой двор и своя аристократия и свой придворный этикет были и в России. Тем паче этот штиль уместен при обращении к Тому, Чьим помазанником считается земной монарх.

Возвращаясь же к вопросу о непонятности богослужения, следует сказать, что изрядная мера этой самой непонятности связана отнюдь не с языком. Проблема в том, как именно читаются и поются богослужебные тексты, и в том, каково их содержание.

Относительно первого вопроса можно сказать, что ритм чтения здесь играет первостепенную роль: иной раз в некоторых приходах возникает стойкое ощущение, что сам чтец не успевает осознать прочитанное, тарбаня текст с поистине пулеметной скоростью. Может быть таким образом он вычитывает все положенные по уставу тропари, но вот в чем смысл такого механического чтения? Ведь православная молитва – это не мантра, механическое повторение которой само по себе с необходимостью должно вызвать искомый эффект!

Не могу не вспомнить здесь про то, как спокойно, внимательно и сосредоточенно служит, например, отец Всеволод Чаплин, на службах у которого вопрос о сложностях с пониманием богослужения как-то не возникает. Вспоминаются так же слова преосв. Иринарха (Грезина), ныне епископа Красногорского, викария Московской епархии: «никогда не надо спешить – людям вполне хватает суеты в жизни, не нужно приносить её еще и в храм».

Самая же сложная проблема – это содержание текстов. Наше богослужение пропитано насквозь библейскими аллюзиями, причем не только новозаветными. Понять его вполне возможно только если очень хорошо знать текст Св. Писания. В реальности же прихожане наших храмов в редких случаях осилили Новый Завет целиком. Хорошо, если «хватило пороха» на Евангелия и книгу Деяний Апостольских. Ветхий же завет им известен лишь на уровне библейской истории из «Закона Божьего». Книги же пророков не читал почти никто (если речь не идет о профессионалах-богословах и о духовенстве). Так что к сторонникам радикальной русификации можно адресовать вопрос: если прихожане не понимают большинство ветхозаветных аллюзий, а с другой стороны, хорошее знание книг Ветхого Завета не есть необходимое условие для спасения, так может нужно не перевести, а попросту переписать богослужебные тексты? А если такая «адаптация» все же неуместна, так может попробовать

для начала познакомится всерьез с библейскими текстами, и тогда, возможно, изучение трех десятков корней церковно-славянских слов, смысл которых действительно малопонятен с ходу не покажется таким уж трудным подвигом?

Комментарии:

Виктор, Москва31.05.2011 13:15 <#>

Да, тема языка - постоянный повод для обсуждений в блогах, на форумах, да и в личных беседах. У пролемы гораздо больше граней, чем описано в статье. Вот, стоял я на Литургии в воскресенье со своим старшим 15летним сыном и понимал, что из прочитанного апостола я не понял ничего, а из Евангелия понял только потому, что знаю историю об исцелении слепорожденного близко к тексту. Он же не услышал просто ничего. Да, батюшка в проповеди что-то потом пересказал, но зачем нужно такое чение? Для бесов, которые понимают и трепещут? Есть и другая сторона - надо слишком не любить свой родной язык, чтобы считать его насквозь профанным, не пригодным для молитвы.

свят. Феодор Людоговский, Москва31.05.2011 19:57 <#>

Тема эта вечнозеленая, однако ничего нового в заметке не сказано. Более того: с удивительным упорством воспроизводятся старые заблуждения. Язык никоим образом не сводится к трем десяткам корней. Главная сложность цсл. языка - в синтаксисе; а далее уже идут морфология и лексика (лексика - т. е. слова - а не голые корни!). И если морфологию можно вызубрить, а лексику в свободное время посмотреть в словаре, то расплести (на ходу, со слуха!) византийское плетение словес - почти невозможно.

Дмитрий, Москва23.06.2011 19:58 <#>

Кроме всего прочего автор привел неверный перевод слов "Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу": греческая фраза *αξιον εστιν ως αληθως μακαριζειν Σε την Θεοτοκον* никоим образом не оправдывает этот перевод. Вот один из вариантов: достойно есть ибо истинно блажить Тебя, Богородицу. Таким образом, обнаруживается как некомпетентность автора, так и ошибочность примера, который лишь свидетельствует о невежестве наших студентов, а не о сложности понимания этих слов.

Иван Бакулин, Москва30.06.2011 12:02 <#>

Дмитрию спасибо за уточнение. Поясню только, что пикантность ситуации в том, что я не дерзнул сам предлагать свой перевод с греческого, а обратился к филологу-слависту (*nomina sunt odiosa*), доктору наук, кстати, за переводом с церковнославянского. Тот факт, что его перевод был неверн, сам по себе показателен: это лишний аргумент тем, кто утверждает, что церковнославянский ну совершенно понятен. Так что признавая свою некомпетентность, думаю оставить пример в силе, т. к. перевод "ибо это истинно" не предложил также никто: ну нетипичен (хотя и допустим) для русского языка такой синтаксис.

Георгий Иванов, г. Славянск12.12.2011 23:28 <#>

Почти со всем можно согласиться в этой статье. Если без спешки все продумать, то можно прийти к общему знаменателю, найдя концептуальное единство Септуагинты, церковнославянского и современного художественно-поэтического сознания. Но главное даже не в этом, а в том, что богослужебные тексты произносятся многими священно- и церковнослужителями без должной подготовки по разбору и осмыслению их, и поэтому звучат даже не как мантрические заклинания, а просто вопреки смыслу, заложенному в этих текстах, образовав, к сожалению, на сегодняшний день уже очень стойкую общецерковную норму. Поэтому полный или частичный перевод ничего не даст. **Нужно изменение сознания самих служителей, другое их отношение к церковному слову.**